

Движущая сила изменения живого, по Дарвину, — меж- и внутривидовая борьба и естественный отбор в популяции. Например, вид хищника должен изменяться таким образом, чтобы обладать чертами сходства с видом жертвы, а в чем-то его превосходить. Под влиянием изменения хищника должна изменяться и жертва. То же в растительном мире. Если изменится одно растение, должны изменяться, чтобы выжить, другие, находящиеся поблизости. Так накапливаются индивидуальные свойства, и эволюционирует живое. Стало быть, индивидуальность закрепляет свои изменения двумя путями: детерминируя изменения окружающей среды (мы говорили об изменении в пределах живого, но, как показал Вернадский, неживое изменяется под влиянием живого и наоборот) и воспроизводя себя в потомстве. Закрепление индивидуальных изменений назовем *утверждением индивидуальности* (УИ), а совместный процесс *развития индивидуальности* (РИ) и ее утверждения — *становлением индивидуальности* (СИ).

СИ выступает как движущая сила эволюции, основа прогресса живого, под которым понимается создание и закрепление качественно новых черт и свойств, благоприятствующих функционированию живого. При этом не суть важно играют ли главную роль в процессе СИ, естественный отбор, приспособление к среде, мутации или врожденное стремление организма. Главное то, что во всех случаях имеет место РИ, которое утверждается и закрепляется, превращаясь, таким образом, через размножение (как неотъемлемое свойство живого и путь к родовому бессмертию) и через детерминацию среды в закономерность. Желание бессмертия есть не что иное, как жажда сохранения себя, превращения своей индивидуальности в закономерность и распространения себя в вечность, то есть желание СИ. Если бы личное бессмертие было возможно, тогда каждая индивидуальность стала бы закономерностью. *Родовое бессмертие — паллиатив индивидуального*, поскольку в потомстве индивидуальные особенности родителей сохраняются частично.

А какова ситуация в неживом мире? Казалось бы, здесь трудно признать роль индивидуальности значительной. Мы приучены думать, что все в мире (и прежде всего в неживом) совершается по вечным неизменным законам развития материи, и когда хотим показать ничтожность человека, сравниваем его с пылинкой, которую ветер гонит, куда пожелает. Но так ли уж слаба пылинка? Поверив в большое значение индивидуальности в мире живого, можно приступить с определенными надеждами к рассмотрению роли индивидуальности в неживой природе. На эволюцию живого мы посмотрим сквозь призму теории и, анализируя неживой мир, постараемся остаться на почве научных фактов, учитывая то обстоятельство, что в современном естествознании происходит переворот во взглядах и переосмысление основ, которое по своему значению и направленности вполне сравнимо с дарвинской революцией в биологии.

2. Современная научная картина мира и проблема индивидуальности

Наука XIX века представляла себе мир собранием предметов, которые располагались в трехмерном абсолютном пространстве, существовали в одномерном, абсолютном времени и подчинялись жестко детерминированным вечным неизменным законам; миром марионеток, управляемых неведомыми силами, в природе которых можно сомневаться (Бог или материя), но не в их могуществе.

Таков мир науки XIX века, мир, по-птолемеевски антропоцентричный, в котором действуют чуждые силы, пугавшие еще дикаря (да и сам этот мир мало чем отличался от мира первобытных племен), но которые цивилизованный человек способен частично подчинить себе. Впрочем, способность подчинить себе природное окружение оказывается обманчивой и приводит к большим неприятностям для человека.

Наука XX века основательно потрясла этот неизменный в своем движении по вечным законам мир. Первыми пробили брешь в научной картине мира XIX века новые представления о пространстве и времени. Представление пространства в виде некоего аквариума, а времени в виде часов, равномерно движущихся в одном направлении, оказалось антропоморфным представлением, перенесенным на весь мир. С точки зрения современной науки абсолютного пространства, в котором все помещается, нет. Каждое существо и каждая частица находится в своем особом пространстве. Время также относительно — каждое существо и частица живет в своем индивидуальном временном измерении. Представление об индивидуальности пространства и времени существенно расширило представления о значении индивидуальности в мире. Обитающая в своем уникальном пространстве и времени индивидуальность как бы выходит за пределы той книги бытия, которую в своих пространственно-временных координатах создали ученые, как герои полифонических романов выходят за рамки книг с тем, чтобы жить своей независимой от автора жизнью, вступить с ним в открытый диалог и выражать свою индивидуальную точку зрения.

Вторая брешь в научной картине мира XIX века пробита введением вероятностного подхода и представлений об объективной неопределенности. Динамический мир науки XIX века превратился в статистический мир науки XX века. Со времен Лапласа считалось, что если ученый не может предсказать будущее событие, то только потому, что не обладает еще достаточным знанием, но знание обо всех будущих состояниях в принципе возможно, если обладать (что тоже возможно) полнотой знания о современном состоянии мира. Наука XX века утверждает, что знание всех будущих состояний мира в принципе невозможно, поскольку в самой природе присутствует объективная неопределенность. Другими словами, в самой природе еще пока не решено, каким будет завтра, и поэтому человек, хотя и способен угадать будущее с помощью научных методов, не может точно рассчи-

тать его. Некоторые ученые склонны объяснять применение статистических методов несовершенством современного научного подхода к изучению глубинных пластов материи, но с каждым годом статистические методы обнаруживают все большую применимость, что свидетельствует о верности статистической картины мира.

Возникает вопрос: что ответственно за объективную неопределенность в природе? Для того, чтобы ответить на него, обратимся к достижениям современной науки. Так, собственно, всегда поступали философы, но в отличие от господствующей ранее манеры обращать внимание на основополагающие открытия в науке (что делалось, например, в целях подтверждения гегелевской диалектики), мы скорее будем рассматривать значение изменения стиля научного мышления, ставшего кибернетическим, вероятностным, экологическим. Сами открытия важны не только своим собственным значением, их ролью в подтверждении определенных идей, но и тем, что они влияют на изменение стиля мышления как ученых, так и эпохи в целом.

Одними из важнейших вопросов, поставленных естествознанием XX века, являются следующие: что такое случай в природе? Насколько правомерно применение вероятностных представлений в науке и насколько они соответствуют сущности естественных процессов? Каковы границы применения вероятностного подхода? Сначала о первом из них. Ж.Моно пишет о роли случая в биологии: «Чистый случай, один только случай, абсолютная, но слепая свобода стоит у истоков грандиозного здания эволюции: этот центральный тезис современной биологии в настоящее время не является просто гипотезой, подобно другим, более или менее приемлемой. Только такое объяснение совместимо с фактами наблюдения и опыта. И ничто не позволяет предполагать (или надеяться), что наши представления по этому поводу смогут или должны быть пересмотрены»¹. Моно признает, что свое прогрессивное движение эволюция черпает из внешних условий, накладывающих ограничения на случай, но основой

является изменчивость, порожденная случаем. Такое мнение ученого-биолога укрепляется интеллектуальным полем современной философии, ломающей прочную детерминистскую позицию прошлого. Как пишет В.В.Налимов: «Детерминизм уходит своими корнями в историю и предысторию человеческого мышления. Представление о случае возникло, видимо, значительно позже, когда было осознано, что поиск причинного объяснения всех явлений неизбежно приводит к построению фантастических концепций. Но случайность долго не удавалось согласовать с формально-логическим построением суждений, и европейская философская мысль — научная и религиозная (они шли в этом вопросе рука об руку) — потратила столетия на борьбу со случайностью, пытаясь соотнести ее просто с недостаточным знанием. Теория вероятностей, наложив существенные ограничения на проявление случая, создала язык, позволяющий описывать случайность в рамках строго логических построений»².

Стойкость представлений о детерминизме поразительна, начиная с древнегреческого рока, а концепция случайности Фомы Аквинского вполне адекватна диалектико-материалистической, сформулированной в XIX веке. «Эффекты, порожденные волей Бога, происходят... случайно... поскольку Бог подготовил случайные причины... Некоторые причины так связаны со своими следствиями, что порождают их не необходимо, а только в большинстве случаев, а в меньшинстве случаев не порождают их... что должно быть приписано мешающим причинам»³. Представление о всеобщем детерминизме свойственно и томизму и диамату, потому что оба эти направления строятся на примате закономерности — божественной в первом случае, материальной — во втором. Если же возвысить роль индивидуальности, поднимается на более высокую ступень статус случая. Индивидуальность может хотеть, и причина ее хотения — ее свобода. Последняя конечно не логична, но разве логичность — достаточный гарант эволюции. Поступая всегда логично, ри-

скуешь оказаться в положении «буриданова осла», который умирает с голоду около двух расположенных на равном расстоянии от него куч овса, из-за отсутствия логических оснований для принятия решения о предпочтении одной из них.

Детерминистский взгляд на вещи характерен для всей философии Нового времени. Кант в «Критике чистого разума» писал, что «случайное в единичном тем не менее подчинено правилу в общем»⁴. Однако с тем же основанием можно сказать, что общее проистекает из случайного, т.е. из свободы, ставшей необходимостью. Можно полагать, что свобода до человека была так слаба, что неизбежно подавлялась существующей необходимостью, но со становлением человеческого духа у нее появилась возможность оставаться собой. В духе свобода сохраняет себя и в этом смысле становится абсолютной. Значит ли сие победу случая над необходимостью? В какой-то степени да, поскольку свободное творчество духа не выводимо из какого-либо набора причин и определяется целостностью Я.

Взгляд Канта на проблему случайности тесно связан с его общей философской позицией. Кантовские феномены — предметы, в которых не осталось ничего уникального, самобытного. Кант справедливо определил их как производные от человека. Однако сказать, что знать можно только феномены, не вполне верно: понять можно и ноумены. Понимание выше чистого разума.

Чувства работают в полную силу тогда, когда ощущаешь уникальность того, на что направлено внимание. А так как в понимание входит не только информация о предмете, но и чувство его, то поистине понять можно только уникальное. Но тогда и сам предмет можно увидеть в его внутренней самодеятельности, иначе не воспримешь его адекватно.

В гегелевской философии случай примирен с причиной за счет того, что причина понимается как движущая сама себя. Это как раз такое положение, которое со стороны кажется случаем, поскольку нет видимой внешней причины развития. Но оно же есть свободное развитие под влиянием

внутренних импульсов. Если говорить о причине в данном случае, то ею будет свобода индивидуума. Способность к саморазвитию составляет существенную сторону индивидуальности. У Гегеля, правда, свойством быть причиной собственных изменений наделена лишь Абсолютная Идея. Поэтому понятия случая, индивидуальности, свободы не получили в его концепции должного развития. Только если признать данное свойство Абсолютной Идеи за каждым уровнем индивидуальности, отмеченные понятия займут свое подобающее место.

Интересно высказывание из «Тошноты» Сартра, показывающее, что со случайностью хорошо работают экзистенциалисты. «Случайность — вот что существенно. Я хочу сказать, что, по определению, существование не есть необходимость. Существовать — значит просто *находиться там*: но это нельзя вывести *дедуктивно*. Я думаю, существуют люди, которые это понимают. Просто они пытаются преодолеть эту случайность, объявляя бытие необходимостью и причиной самого себя. Между тем, никакое необходимое бытие не может объяснить существование, случайность не правдоподобная подделка, не видение, которое может исчезнуть; это абсолют и, следовательно, отсутствие причинности в совершенном его проявлении». В философской системе, в которой со вниманием относятся к индивидуальности, важное место занимает и случай. Детерминистский мир раскрывается как мир объективных закономерностей, действующих с железной необходимостью; или Бога, держащего все в своих руках; вероятностно-случайный мир — как мир саморазвивающихся самоценных индивидуальностей.

Конечно, не только высказывания Фомы Аквинского о непротиворечивости как принципе мышления и бытия и его концепция случайности привели к детерминистскому мировоззрению европейской культуры. Дело прежде всего во влиянии науки, которой удобнее работать с таким пониманием в силу присущих ей особенностей абстрагирования, анализа, обобщения. Именно потому, что случай не укла-

дывается в рамки формально-логических представлений, с ним не хотели работать ученые, тогда как философы (в частности, Гегель) уделяли ему внимание.

Сейчас, однако, подобное облегчение работы не проходит под угрозой потери наукой своей роли в развитии культуры. Наука столкнулась с изучением столь сложных систем, что простота ее методологии жесткого детерминизма не дает возможности адекватного их описания. Представление о детерминизме все менее соответствует конкретному изучению естественных процессов, и в науку начинает входить случайность, чему способствует и что стимулирует соответствующее развитие ее логики и методологии. Случай, к которому пришла биология, есть понятие, с помощью которого наука, оставаясь собой, может говорить о жизненной силе и свободной воле индивидуума. Сама же индивидуальность с ее свободой, чем более теоретической становится наука, все менее видна, и случай поэтому представляется слепым. Объективистскому монизму не понять душу индивидуальности, как позитивисту — что такое витализм.

О том, что случай, или «слепая свобода», по терминологии Моно, есть выражение на языке науки действия индивидуальности, говорит и тот факт, что для биологических систем в качестве первоочередной признается способность к адаптации. Но адаптационные механизмы выполняют волю организма, пусть даже бессознательную (сверх- или подсознательную). За тем, что называют случаем, кроется свободное желание индивидуальности, ограничиваемое внешними обстоятельствами и проявляющее себя не только на уровне целостного организма, но и на молекулярном уровне. В биологическом мире важнее роль индивидуальности, чем в мире неживых явлений. Но наука не может работать с индивидуальностью иначе, как просто записывая результаты наблюдения над ней, и не может сократить запись (а в этом смысл науки), не утрачивая много из содержания наблюдений.

Трудности создания теоретической биологии упираются в то, что теоретические модели в биологии слишком удалены от реальности, поскольку не учитывают большой роли индивидуальности в мире живого. Моно предлагает перейти к описанию мира биологических явлений в терминах случайности, а не в терминах необходимости, как делалось раньше, и в этом предложении есть смысл. Вероятностный язык может помочь биологии, но это только промежуточный этап на пути к научному познанию индивидуальности.

Вообще же вероятностный язык даже меньше подходит к биологии, чем, скажем, к физике, и причина опять-таки в большой роли индивидуальности в биологическом мире, а не просто статистической случайности. Здесь высказывается заветное, но почти запретное в естествознании слово — индивидуальность. Индивидуальность борется с необходимостью и реализовывает потенции, вероятность реализации которых близка к нулю. Подсчитано учеными, что до возникновения жизни на Земле вероятность ее возникновения была мизерной. Детерминизм естественнонаучного мышления заставляет ученых ломать головы над тем, как одна необходимость, необходимость безжизненности, сменилась необходимостью жизни. За счет бесконечного измельчения шагов пытаются объяснить скачок. Но что лежит в основе процесса? Почему не предположить, что некая индивидуальность положила себя усилием воли к жизни и стала творить себе подобных, которые подобным же образом усложняли себя?

Ясно, что и биосфера в целом не развивается как система, состоящая из некоторых предпосылок и конечных строго детерминированных правил вывода, которые могли бы интерпретироваться как вечные и неизменные объективные законы природы. Это вытекает и из Дарвина, и из работ современных биологов. Преодоление противопоставления номогенеза и представления о вероятностной природе мутаций заключается в гипотезе, что индивидуальность стремится к совершенству, но ей мешают другие индивидуальности и

необходимости, существующие в природе. В таких условиях даже само появление данной индивидуальности — случайность по отношению к ней. Конечный продукт компромисса между стремлением индивидуальности к совершенству и внешним сопротивлением этому есть то, что математики называют псевдослучайностью. Это результат столкновения, ведущего к образованию случайной необходимости и необходимой случайности. Виды образуются по принципу сосуществования свойств (возможно, имеющему генетическую основу), и хотя мутации случайны, они выражают и закрепляют индивидуальные влечения организма.

Определение жизни как систем, которые в своем существенном проявлении нам представляются случайными, учитывает роль, которую Тейяр де Шарден придавал факторам, доказывающим направленность эволюции в сторону все менее вероятных структур и концепцию Шредингера о деятельности живого, уменьшающего энтропию в нем. Самые совершенные состояния живого наименее вероятны с точки зрения деятельности неживого при условии его абсолютной бесцельности. Где имеется цель, там уменьшение вероятности всех событий.

Кеплер правильно подметил, что случай — это «презрение суверенного и всемогущего Бога». Признание случая — необходимый шаг на пути к признанию индивидуальной свободы. Можно считать случай детерминированным, но он детерминирован свободным индивидуумом. Наука не стремится установить факт действия индивидуальности, а только может зафиксировать результат индивидуального действия на окружающую среду. Поскольку индивидуальные причины неподвластны обобщающей науке, постольку результат рассматривается как случайный. Однако на самом деле, с тем же основанием, с которым говорят, что у человека есть свобода воли, можно говорить о свободе воли у электрона.

Высшее значение индивидуальности, ее первичность по отношению к закономерности в современной науке выступает как первичность случайности по отношению к причин-